

С. В. Джунджузов**Оренбургский губернатор И. И. Неплюев и российская политика умиротворения казахской знати после смерти хана Абулхаира (1748—1750 гг.)**

В статье рассматривается деятельность оренбургского губернатора И. И. Неплюева по выяснению обстоятельств гибели хана Младшего жуза Абулхаира, случившейся в 1748 г. в результате неравного боя с султаном Среднего жуза Бараком, и «политика умиротворения» его наследника Нуралы-хана. Анализ ведомственных и дипломатических документов показывает, что последовавшая через два года смерть Барак-султана была воспринята оренбургской администрацией как рядовое и ожидаемое происшествие. Легитимизация ханской власти российским монархом, еще более чем договор о подданстве, превращали наследников Абулхаира в вассалов Российской империи. Таким образом, события, связанные со сменой власти в Младшем жузе в середине XVIII века, следует рассматривать как важный индикатор вовлечения казахской элиты в российское политическое пространство. В то же время оставалась неизменной суть среднеазиатской политики России, базировавшейся на «балансе сил» конкурировавших родовых кланов и умиротворении их воинственных устремлений.

Ключевые слова: И. И. Неплюев, казахско-джунгарские отношения, Оренбургская губерния, Российская империя, султан Барак, хан Абулхаир, хан Нуралы.

1 августа 1748 г. в сражении с султаном Среднего жуза Бараком был убит правитель Младшего жуза Абулхаир-хан. В памяти подавляющего большинства его современников и потомков Абулхаир остался легендарным полководцем и мудрым правителем. В российской истории он получил известность как первый казахский правитель, ставший подданным Российской империи. Проблематика восприятия казахского подданства со стороны Петербурга и руководителей жузов в контексте имперской политики аккультурации подробно освещена в ряде опубликованных работ [3, с. 56—82; 10, с. 141—167; 11; 13].

Обстоятельства гибели Абулхаир-хана и ее влияние на состояние российско-казахских отношений остаются актуальной проблемой современного историографического дискурса. Принципиальная позиция оренбургского губернатора И. И. Неплюева на проведение многовекторной политики в Казахской степи, призванной поддерживать паритет между представителями казахской знати, претендовавшими на единоличное правление, давало повод к неприязненному и даже враждебному отношению Абулхаира к начальнику Оренбургского края. В последние годы жизни хан прервал прямые контакты с И. И. Неплюевым. Это обстоятельство позволило казахстанскому историку, биографу Абулхаир-хана, И. В. Ерофеевой обосновать мнение о причастности Неплюева к гибели казахского хана. Политическая интрига, инициированная оренбургским губернатором, который внушал уверенность честолюбивому султану Бараку и уклонялся от содействия усилению властных полномочий Абулхаир-хана, стала питательной почвой для соперничества этих двух чингизидов [8, с. 297]. Столь прямолинейный обвинительный характер суждения И. В. Ерофеевой не остался без внимания коллег по исследовательскому цеху. Петербургский историк Р. Ю. Почекаев считает, что оренбургский губернатор не имел прямого отношения к гибели Абулхаира. По его мнению, не следует преувеличивать влияние И. И. Неплюева на Барак-султана. Конфликт последнего с Абулхаиром начался еще до принятия ханом российского подданства. Кроме того, российские приграничные власти старались дистанцироваться от самого предмета спора конфликтующих сторон — власти над каракалпаками. В то же время Р. Ю. Почекаев высказывает предположение

© Джунджузов С. В., 2021

о том, что если бы губернатор вмешался в конфликт в качестве посредника на его более ранней стадии, военного столкновения, возможно, и не случилось [15, с. 67].

Смена верховного правителя в ближайшем от Оренбурга Младшем жузе и естественное желание сыновей Абулхаира отомстить за отца вынуждали оренбургскую администрацию искать способы действенного дипломатического воздействия на стороны конфликта с целью недопущения развязывания между ними междоусобной войны.

В данной статье рассматриваются деятельность оренбургского губернатора И. И. Неплюева по выяснению обстоятельств гибели Абулхаир-хана и инициированная губернатором «политика умиротворения» Нуралы-хана, намеревавшегося с помощью России организовать военный поход против Барак-султана и его сторонников. Источниковым материалом для изучения этих событий послужили донесения посланников И. И. Неплюева в казахские кочевья: переводчика Юрмагула Гуляева и бузулукского казака Матвея Арапова, а также сведения из дипломатической переписки с представителями ханской фамилии и влиятельными казахскими султанами, указы Коллегии иностранных дел, адресованные оренбургскому губернатору, и донесения об их исполнении. Значительный массив таких документов отложился в фонде 3 Оренбургской губернской канцелярии Государственного архива Оренбургской области. Некоторые наиболее значимые, по мнению составителей, документы представлены в сборниках «Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751)» [14] и «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках» [12].

Известие о трагической кончине Абулхаир-хана И. И. Неплюев получил 26 августа 1748 г. от своего помощника бригадира А. И. Тевкелева [4, вып. 4, с. 716], которому накануне было дано поручение встретиться с ханом и постараться примирить его с оренбургским губернатором. За несколько дней до смерти, как говорят в таких случаях, будто предчувствуя свою скорую кончину, Абулхаир направил Тевкелеву письмо, фактически ставшее его последним наказом. Хан просил не оставить без призрения детей, помочь его старшему сыну Нуралы утвердиться на ханском престоле и отомстить убийцам [4, вып. 4, с. 716]. Таким образом, Абулхаир-хан содействовал обоснованию права российских монархов утверждать в ханском достоинстве лояльных им кандидатов.

И. И. Неплюев счел смерть Абулхаир-хана благоприятным обстоятельством для усиления российского протектората над казахскими жузами. Губернатор предлагал на законодательном уровне учредить такой порядок, чтобы с учетом права наследования от отца к сыну хан избирался собранием старшин, однако окончательное утверждение в ханском достоинстве определялось бы волей российских монархов [12, с. 395].

Барак-султана оренбургский губернатор характеризовал «наисильнейшим и многочелюдным» владельцем Найманского рода Среднего жуза и выражал сомнение в том, что сыновья Абулхаира смогут собственными силами отомстить за отца «какими тайными интригами». И. И. Неплюев решил не прерывать сношений с Барак-султаном и даже морально поддерживать и благодарить его за «добросостоятельство и спокойное пребывание» [12, с. 395].

Складывающуюся ситуацию, когда в казахских ордах будут два влиятельных, враждующих между собой правителя, И. И. Неплюев считал весьма выгодной для России. Видимо, башкирские восстания убедили губернатора в том, что в случае народного волнения, поддержанного единолично правящим ханом, наведение порядка будет сопряжено с большими трудностями. Потому нужно, как он выразился, не допускать «ни ту, ни другую сторону как силиться, так и в большое бессилие приходиться» [12, с. 401].

Прежде чем перейти к конкретным действиям по поддержке «надежного» претендента на престол, И. И. Неплюев решил разведать политическую обстановку в казахских кочевьях и выяснить обстоятельства убийства Абулхаир-хана. 29 августа, не дожидаясь

инструкций из Коллегии иностранных дел, оренбургский губернатор отправил к авторитетному батыру Среднего жуза Жанибек-тархану казачьего урядника Федора Найденова.

Найденов возвратился в Оренбург через месяц, 24 сентября 1748 г. Из привезенного им письма Жанибек-тархана и донесения самого Ф. Найденова следовало, что за два дня до столкновения с Бараком Абулхаир-хан разграбил каракалпаков, кочевавших совместно с казахами Джалаирского рода Большого жуза. Эти каракалпаки незадолго до появления Абулхаира уже были завоеваны Барак-султаном и находились в его подчинении. Случившееся наложилось на другую обиду Барака, нанесенную ему ханом Младшего жуза прошлой зимой. Тогда воинами Абулхаира был захвачен небольшой караван, в котором на трех верблюдах перевозились подарки хивинского Каип-хана, сосватавшего дочь Барак-султана. Казак Найденов рассказал, что смертельная схватка между Абулхаиром и Бараком произошла в местности, раскинувшейся между речками Тургай и Улысак. Войско Барака имело численное превосходство. Абулхаир попал в окружение. Воины из его свиты уклонились от сражения. Сын Барак-султана Шигай сшиб копьем хана с лошади, а затем сам Барак подбежал к раненому Абулхаиру и собственноручно отрубил ему саблей голову [5, л. 153]. Следующей жертвой воинственного султана мог стать второй сын Абулхаир-хана — Ералы, кочевавший в то время совместно с султаном Среднего жуза Аблаем. Аблай не только отказался от поддержки вероломного плана Барака по задержанию Ералы, но и предупредил последнего о готовящемся на него покушении. Сразу после предупреждения Ералы-султан спешно выехал в кочевье своей матери, ханши Бупай [7, с. 81; 9, с. 72].

Жанибек-тархан заявил о поддержке семьи Абулхаира. Ханша Бупай призвала Жанибека приехать к ней в кочевье и принять участие в собрании по выбору ханом ее старшего сына Нуралы-султана. С губернатором И. И. Неплюевым Жанибек-тархан поделился планом: «По учинении из Абулхаирханских детей одного хана со всей ордой за Бараком будем следовать. И ежели возможно будет, то голову с него снимем, и что учиним, о том доносить буду» [5, л. 151]. Однако, по наблюдениям Ф. Найденова, в казахских улусах сохранялась спокойная обстановка. Расспрошенные им казахи злобы на Барака не держали и полагали, что ссора затрагивает исключительно сыновей Абулхаира и убийц их отца [5, л. 155 об.].

Вслед за Найденовым в степь были направлены еще два посольства. Первое, под руководством Ю. Гуляева, отправилось к вдове Абулхаира, ханше Бупай. Второе, возглавляемое казаком М. Араповым, — к султану Бараку.

Ю. Гуляев в сопровождении сакмарского старшины Кубека, казачьего татарского атамана из Орской крепости Смаила-муллы и пользовавшегося доверием Абулхаир-хана старшины Байбека выехал из Оренбурга 29 августа. Решение об их отъезде было принято после получения И. И. Неплюевым письма от ханши Бупай и ее сына Кожа Ахмета. После смерти мужа ханша Бупай де факто стала местоблюстителем ханского престола и главой семьи. По свидетельству писаря Нуралы-султана, его господин призывал братьев: «...ныне де нам надлежит быть между собою согласными и во всем почитать и слушать родительницу нашу. И что де у нас имения и скота есть, того де без воли ее своим называть ненадобно. И во всяком управлении спрашивать ее и с ней советовать[ся]» [5, л. 197]. Ханша информировала оренбургского губернатора о подготавливаемом ею для выбора хана народном собрании, о желании отомстить Барак-султану и, что для И. И. Неплюева было особенно важно, просила совета и содействия в своих начинаниях.

Командированный в ханскую ставку переводчик Ю. Гуляев действовал в полном соответствии с полученной в Оренбурге инструкцией. Он демонстративно держался в стороне от собрания избирателей, на котором 2 октября, как и ожидалось, ханом был про-

возглашен Нуралы-султан. Безо всякого давления с его стороны ханша Бупай, Нуралы, его братья и участвовавшие в собрании родовые старшины от своего имени и от имени всего народа согласились направить в Санкт-Петербург на высочайшее имя прошения об утверждении ханом Нуралы-султана [4, вып. 4, с. 718; 5, л. 201—202 об.].

Более сложной и, как оказалось, долгосрочной проблемой в русско-казахских отношениях явилось удерживание Нуралы-хана и его родственников от развязывания вооруженной войны с Барак-султаном и его сторонниками. Представленные Гуляевым дополнительные сведения подводили И. И. Неплюева к мнению, что Абулхаир погиб из-за собственной самоуверенности и недооценки противника. Вместо того чтобы прислушаться к призыву своих воинов и отступить перед превосходящими силами Барак-султана, хан в сопровождении пяти-шести всадников вступил в неравный бой. Ю. Гуляев подтвердил, что последний смертельный удар ножом уже сбитому с лошади Абулхаиру нанес Барак-султан [12, с. 425—426].

Открыто запретить Нуралы-хану мстить за отца И. И. Неплюев не мог. Губернатор постоянно искал доводы к удержанию казахского правителя от решительных действий. Встречаясь с членами ханской семьи и другими знатными казахами, Ю. Гуляев должен был им убедительно доказывать, что прежде чем идти войной на Барак-султана, им необходимо выбрать и утвердить нового хана, добиться внутреннего порядка и согласия между собой [12, с. 399].

Вопрос о подготовке похода, причем не только против Барака, но и против претендовавшего на ханский престол Батыр-султана, постоянно поднимался как во время заседаний, так и в кулуарах собрания. 28 сентября ханский писарь сообщил Гуляеву, что участвовавшие в совете султаны и бии постановили: под видом похода на каракалпаков выступить против Барака в конце зимы. А чтобы усыпить бдительность мятежного султана, по кочевьям решили распространить слух, что Нуралы с войском начнет движение по первой траве [5, л. 196 об. — 199]. В следующий раз, 1 октября, тот же писарь уведомил Гуляева, что ханша в приватной беседе внушала Нуралы, что как только он утвердится на ханском престоле, то сможет просить у России военной поддержки. Совместно с русскими он совершит поход на Хиву, добровольной сдачей или приступом займет город и вместо Каипа, сына Батыр-султана, возведет на хивинский трон Кожа Ахмета. В случае успеха не только казахи, но уже и хивинцы вынуждены будут принять российское подданство [5, л. 201—201 об.].

6 октября 1748 г. ханша Бупай обратилась к губернатору И. И. Неплюеву с просьбой об оказании содействия перед императрицей Елизаветой Петровной в решении о направлении русского войска против Барак-султана. Ханша выражала сомнение по поводу обещания родовой знати, данного от имени казахского народа, отомстить за смерть Абулхаира [12, с. 412].

Оренбургский губернатор оказался в затруднительном положении. Для принятия «нужного» решения ему требовалась объективная информация о Барак-султанине и поддерживавших его казахских старшинах. Отправленный к Бараксу казак М. Арапов вынужден был ехать кружным путем через Башкирию и далее к реке Тобол, объезжая стороной кочевья Младшего жуза. С Барак-султаном Арапов встретился в марте 1749 г., а в Оренбург, судя по записи показаний, возвратился в 20-х числах сентября. До его возвращения И. И. Неплюеву приходилось довольствоваться слухами, пересказываемыми казахами. Но и они свидетельствовали, что Барак не только не был сломлен, но и сумел восстановить свой авторитет среди части родов Среднего и Старшего жузов.

Первые известия о действиях Барак-султана были получены уже в сентябре от Ф. Найденова, вернувшегося из кочевья Жанибек-тархана. Из них следовало, что, опа-

сясь мести со стороны сыновей Абулхаира, Барак откочевал к границе с Джунгарией и направил к ее правителю Цеван-Доржи двух посланцев. Барак просил у джунгарского правителя защиты и покровительства. Расправу над Абулхаир-ханом он объяснял мстью за разграбление джунгарских купеческих караванов, направлявшихся в Оренбург [5, л. 154]. Цеван-Доржи оставил просьбу Барак-султана без ответа. В донесении переводчика Гуляева содержалось сообщение, записанное со слов зятя ханши Бупай Джанбек-султана, приехавшего 23 сентября из Среднего жуза. Из него следовало, что Барак-султан, намеревавшийся уйти в Старший жуз, был задержан старшинами Каракисьякского рода. Оказавшись перед угрозой быть выданным семейству Абулхаира, Барак-султан заявил о своем праве на справедливое судебное разбирательство. Совершить над собой правосудие Барак доверил четырем биям из родов Младшего и Среднего жузов, притом заметив: «...как-де они уже сами изволить присудят, или взять имение ево, или самому ему голову отрубят, что-де в их воле состоит» [5, л. 196].

По мнению И. В. Ерофеевой, суд над убийцей Абулхаир-хана носил формальный характер, так как три бия были из казахских родов, подвластных Батыр-султану, а четвертый, бий Олжебай, из племени Найман Среднего жуза, и вовсе состоял под управлением Барак-султана. Как и следовало ожидать, бии оправдали подсудимого. Пошатнувшееся влияние Барак-султана вновь стало восстанавливаться. К его кочевью в окрестностях Туркестана присоединилось до 3 тыс. казахских кибиток. Однако, опасаясь мести, кочевать он по-прежнему предпочитал на юге, вдали от казахов Младшего жуза [8, с. 301—302].

И. И. Неплюев решил воспользоваться ситуацией с избранием Нуралы-хана для укрепления собственного авторитета. Тем более что сама ханша Бупай просила, чтобы «они господа генерал и бригадир [Тевкелев] от милости своей не отвернули и из оных бы к произведению Нуралы салтана на место бывшего родителя его в ханы старание приложили <...> и на оных господ генерала и бригадира в неизменной надежде пребывают» [5, л. 202 об.]. В переписке с ханской семьей оренбургский губернатор представлял дело так, будто это по его рекомендации императрица постановила возвести Нуралы-султана в ханское достоинство.

Войдя в роль «покровителя» казахского хана, И. И. Неплюев уже не мог открыто препятствовать желанию последнего отомстить за своего отца. Теперь губернатор предпочитал, если можно так выразиться, обращаться к благоразумию Нуралы, соизмерять свои желания с необходимыми для похода ресурсами. Причем просьбы хана об оказании военной поддержки Неплюев под разными благовидными предложениями неизменно отклонял. Уверенность в том, что вооруженной фазы конфликта в казахском социуме удастся избежать, поддерживалась так и не состоявшимся выступлением Нуралы-хана и его сторонников против Барак-султана, как это неоднократно оговаривалось, ранней весной 1749 г. И. И. Неплюев объяснял это тем, что султаны из ханского окружения воевать не хотят. Воинственную риторику поддерживают «для одного ханшина удовольствия». Даже сам Нуралы, по-видимому, не изъявлял охоты к мщению, «ибо на то народ ему склонить не только трудно, но... едва и возможно» [12, с. 448].

В самом конфликте между Нуралы-ханом и Барак-султаном оренбургский губернатор не усматривал угрозы российским интересам. Однако отсутствие достоверной информации о переговорах Барака с джунгарским хунтайджи вызывало опасения правительства, что джунгары могут воспользоваться ситуацией и попытаться завоевать Младший казахский жуз [5, л. 26—27].

Вопрос об отправке российских войск для поимки Барак-султана неоднократно поднимался во время переговоров И. И. Неплюева с Нуралы-ханом в июле 1749 г. Они были приурочены к торжествам по случаю вручения Нуралы пожалованного императрицей

патента и знаков ханского достоинства. В своих требованиях хан исходил из того положения, что и Абулхаир и Барак-султан являются российскими подданными и Россия вправе наложить взыскание на Барака за смерть его родителя. Если преступление Барак-султана останется безнаказанным, то он, хан, потеряет народное уважение и верховную власть.

В ответной речи И. И. Неплюев напомнил Нуралы, что он и бригадир Тевкелев поддерживали ханскую семью после смерти Абулхаир-хана, что ныне он возведен в ханское достоинство также не без его протекции перед высочайшим двором. При том ни ему, ни его братьям «об отмщении Барак-салтану примышлять» не воспрещается [12, с. 452—453]. Оренбургский губернатор не оставил без внимания и тот факт, что Абулхаир-хан не первый год находился с Барак-султаном во враждебных отношениях, и знал, что султан затаил на него обиду. Тем не менее отправился с ним воевать с небольшим по численности войском. После убийства Абулхаир-хана уже сам Нуралы с братьями поступили опрометчиво. Им не следовало открыто угрожать убийце своего отца. Напуганный Барак-султан кочует теперь в отдаленных местах и постоянно перемещается. Однако Нуралы-хан продолжал настаивать на использовании военной силы. Он выражал уверенность, что одного появления русского войска в кочевьях Среднего жуза будет достаточно, чтобы заставить старшин приложить старание к поимке Барак-султана или, по крайней мере, выдать его семью. Кроме того, Нуралы надеялся посредством демонстрации военной силы укрепить свой политический авторитет. Пусть все казахи узнают, какое высокое покровительство ему оказывает русская царица, ведь это по его просьбе она отправила в Казахскую степь свое войско!

И. И. Неплюев допускал возможность направления войск для поддержки Нуралы-хана и всего казахского народа только в двух случаях: если признавшие подданство России казахские жузы подвергнутся иностранной агрессии либо в случае мятежа, угрожающего непосредственно самому хану. Обстановку в Среднем жузе губернатор признавал спокойной и стабильной. Прибегать же к использованию войска в несколько сот человек для поимки одного лишь Барак-султана, по образному выражению И. И. Неплюева, «яко за ветром гоняться, непристойно» [12, с. 454]. Другое желание хана — демонстрацией русского войска внушить страх своим и чужим подданным — также вызвало возражение российской стороны. Как только слухи о появлении в степи русских отрядов разносятся по кочевьям, то казахи не только из Среднего, но и из Младшего жуза, оставив своего хана, побегут вдаль от русской границы. Подобные ситуации случались неоднократно и раньше. Когда небольшие команды яицких казаков переправлялись через Яик для заготовки сена, казахи из ближайших кочевий, бросив скот, срывались с насиженных мест.

И. И. Неплюев также постарался рассеять опасения Нуралы-хана, что к осевшему где-то около Ташкента Барак-султану начнут уходить казахи и пополнять его войско. По убеждению губернатора, уже за само переселение на чужбину казахи должны относиться к Барак-султану как к «беглецу и злодею», а его, хана, и всю его фамилию почитать как людей честных, пользующихся высочайшим покровительством императрицы. И. И. Неплюев предлагал Нуралы-хану и его братьям действовать против беглого султана самостоятельно, но так, чтобы избегать открытых боевых действий. Совет Неплюева: «...до их к нему, Бараку, отмщения, в том им надобно случая искать доброю манерою» — должен был быть воспринят ханом как «разрешение» на организацию задержания или даже убийства ненавистного султана [12, с. 455]. К заговору против Барака Нуралы-хану предлагалось привлечь знатных султанов из Среднего жуза: Аблая, Жанибек-тархана и ханского брата Ералы-султана.

25 июля 1749 г. во время встречи губернатора И. И. Неплюева с Жанибек-тарханом и сопровождавшим его Букенбай-батыром состоялся обстоятельный разговор о положении

дел в Среднем жузе и планируемых мероприятиях против Барак-султана. Неплюев вновь предостерег Нуралы-хана и его союзников от использования вооруженной силы. Он обратил внимание Жанибек-тархана, что Старший жуз (Большая орда) и среднеазиатские города, где, по его сведениям, скрывается Барак, находятся под протекторатом Джунгарского ханства. Цеван-Доржи может воспринять вторжение во владение его подданных как повод к ссоре с Нуралы-ханом. В результате в погоне за одним человеком они с ханом могут навлечь на свой народ нашествие джунгаров. Жанибек-тархан, хоть и был уверен, что Барак-султан не пользуется покровительством джунгарского правителя, но все же не стал отрицать потенциальной угрозы джунгарского нашествия на казахские кочевья.

В качестве альтернативы Жанибек-тархан представил И. И. Неплюеву собственный «план выманивания» Барак-султана. Он сам отправится в Большую орду и при посредничестве влиятельных старшин встретится с Бараком. При свидании заверит беглого султана, что случившегося уже не исправить и он, как российский подданный, должен просить прощения у русской императрицы. При этом сам Жанибек-тархан обязался быть гарантом безопасности Барака и надеялся, что губернатор распорядится отправить султана к высочайшему двору. Губернатор оставил план Жанибек-тархана без комментария. В ответном слове он лишь напомнил тархану об ответственности и осторожности: «...токмо б они то разсуждали от матери ево, Нурали, особо, яко она разсуждает, как жена по муже, а им надобно думать так, как о принадлежащем не только до одних до них, но и до всего общества» [12, с. 471—472].

Позиция И. И. Неплюева и приведенные им доводы нашли полную поддержку правительства. Коллегия иностранных дел подтвердила, что вражда между Нуралы-ханом и Барак-султаном, каким бы исходом она ни завершилась, вреда российским интересам причинить не может. Оренбургскому губернатору вмешиваться в этот конфликт не следовало, а на все поступки враждующих сторон предлагалось смотреть «сквозь перстов» [6, л. 83 об.].

В сентябре 1749 г. в Оренбург возвратился посланный годом ранее с письмом к Барак-султану казак М. Арапов. Вместе с ним прибыло и посольство Барак-султана во главе с Улджабай-аталыком. Из показаний Арапова, данных 24 сентября в губернской канцелярии, следовало, что мятежный султан достаточно прочно обосновался в своих южных владениях. Под его властью находились города Икан, Ташкент, Отрар, Угустай и Созак. Оседлое земледельческое население этих городов платило Бараксу подати как своему хану. В Икане для него был построен дом, ставший его резиденцией. Кроме того, Барак-султан начал восстанавливать авторитет в казахских родах Среднего жуза. Так, Мойнак-бий из Каракисякского рода заверил М. Арапова, что улусы, отделившиеся от Барак-султана после убийства Абулхаира, готовы вновь к нему присоединиться. О готовности защищать Барак-султана в случае нападения на него войска Нуралы-хана заявляли старшины Кунратского рода [12, с. 488]. Сам Барак-султан во время аудиенции в Туркестане уверял Арапова, что слухи о его бегстве распускают отколовшиеся от него казахи из Среднего жуза. Мести сыновей Абулхаира он не боится. Из родовых улусов он откочевал исключительно по причине распространения своей власти на города, которыми прежде владел его отец Турсун-хан и для похода на каракалпаков [5, л. 91].

Письмо Барак-султана также было призвано убедить И. И. Неплюева в прочном положении и уверенности в собственной безопасности его отправителя. В Туркестанскую область он приехал как в свою вотчину, где находится под защитой биев Старшего жуза. Казахи Кунратского рода его почитают за хана и правителя [12, с. 489].

И. И. Неплюев, неоднократно подтверждавший право Нуралы-хана на месть убийце отца, как видно, вовсе не собирался отказывать в покровительстве и Барак-султану. В от-

ветном письме, датированном 26 сентября 1749 г., он называл себя «не отменным доброжелателем» беглого султана. Оренбургский губернатор достаточно пространно выразился о вине Барак-султана, о которой будто бы может судить только со слов потерпевшей стороны. Он лишь заметил: «...ежели все здесь на вас показанное, против чести вашей сходен[но] быть не может, тем наипаче предосудительней есть, что как они Ее Императорского Величества подданные...». Далее Неплюев советовал султану найти средства к примирению с Нуралы-ханом и его братьями. Прекращение вражды между ними обеспечит спокойствие всему казахскому народу [5, л. 98—99 об.].

Сложившаяся ситуация «холодной войны» между Нуралы-ханом и Барак-султаном вполне устраивала И. И. Неплюева. Ни одна из сторон не обладала достаточными военными ресурсами для превосходства над противником в прямом столкновении. От оренбургского губернатора Нуралы-хану и Барак-султану был дан однозначный сигнал, что Россия не будет вмешиваться в их междоусобное противостояние. Тогда взоры непримиримых врагов обратились на юго-восток, к могущественной региональной державе — Джунгарскому ханству.

Не позднее весны 1749 г. Барак-султан направил второе посольство к Цеван-Доржи с письмом и двумя конями-иноходцами в подарок. Как удалось вывести М. Арапову, посланцы султана имели поручение уведомить султана о готовности их господина отправить сына в качестве аманата ко двору джунгарского хунтайджи. Этим предложением, как выразился Арапов, Барак-султан хотел джунгарскому правителю «выслугу показать» [12, с. 487]. Однако и без «выслуги» Барака Цеван-Доржи имел основания относиться к казахам Среднего жуза как к своим вассалам, поскольку у него в аманатах уже содержался сын Абулмамбет-хана. Кроме того, Цеван-Доржи была памятна скандальная история, связанная с пребыванием в аманатах в Джунгарии старшего сына Барак-султана Шигая, который был уличен в интимной связи с матерью джунгарского правителя [4, вып. 4, с. 720]. Вероятно, обида хунтайджи распространялась не только на сына, но и на отца.

Куда более предпочтительными оказались условия, предложенные Цеван-Доржи со стороны Нуралы-хана. Хан, следуя воле отца, желавшего породниться с правящей джунгарской династией, соглашался выдать замуж за хунтайджи свою сестру. В качестве «калыма» он просил передать ему в управление города Ташкент и Туркестан. Непременное условие Нуралы-хана заключалось в отказе джунгарского правителя в покровительстве Барак-султану. По мнению В. Я. Басина, Нуралы-хан пребывал в уверенности, что сватовство джунгарского правителя должно обеспечить ему опору на случай обострения отношений с Оренбургской администрацией. Выраженное Ю. Гуляевым от имени И. И. Неплюева беспокойство самим фактом возможного сближения Младшего жуза с Джунгарским ханством вселяло уверенность в Нуралы-хана о заинтересованности России в его правлении [1, с. 192]. Осенью 1749 г. в Ургу было направлено казахское посольство, возглавляемое двоюродным братом казахского хана султаном Карабашем. Первым результатом достигнутых Карабашем договоренностей, видимо, явилось требование Цеван-Доржи к влиятельному старшине Старшего жуза Толе-бию: Барак-султана задержать и отправить в Джунгарию. Обеспокоенный этим известием Барак-султан откочевал в район Туркестана к подвластным ему родам племени Найман и Конрад [8, с. 303].

В апреле 1750 г. от находившегося в казахских кочевьях переводчика Ю. Гуляева в Оренбурге было получено известие о скоростижной смерти Барак-султана [4, вып. 3, с. 518]. Позднее выяснилось, что одновременно с султаном умерли и два его сына. Незадолго до смерти все они посещали в городе Икане некоего хаджу, который, как считали местные жители и приезжавшие в Оренбург казахи, «их окормил зелием по приказу зюнгорского [джунгарского] владельца» [8, с. 303].

Смерть Барак-султана, судя по отсутствию дипломатических демаршей, стала для оренбургской администрации рядовым и даже ожидаемым событием. С точки зрения проводимой И. И. Неплюевым политики умиротворения и поддержания в Казахской степи «баланса сил», она даже была выгодна России. Легитимизация ханской власти российским монархом по просьбе самого хана, его родственников и выражавшего волю народа собрания избирателей, еще более чем договор о подданстве, превращала наследников Абулхаира в вассалов Российской империи. К атрибутам вассалитета также относились торжественный церемониал, предусматривающий клятву верности российскому престолу с вручением утвержденных в Петербурге атрибутов ханской власти и патента о ханском достоинстве [2, с. 21]. Устранение Барак-султана могло лишь временно разрядить политическую обстановку в казахском социуме. Притязания на верховную власть выражали султаны Среднего жуза Батыр и Аблай. Первый из них небольшой группой родовых старшин был даже провозглашен ханом. Россия, хотя и признавала Нуралы единственным ханом, но продолжала поддерживать дипломатические связи с его конкурентами, которые при всяком удобном случае клялись ей в верности и не скупились на выражение верноподданнических чувств. Таким образом, события, связанные со сменой власти в Младшем жузе в середине XVIII в., следует рассматривать как важный индикатор вовлечения казахской элиты в российское политическое пространство. В то же время оставалась неизменной суть среднеазиатской политики России, базировавшейся на «балансе сил» конкурировавших родовых кланов и умиротворении их воинственных устремлений.

Список использованных источников и литературы

1. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата : Наука, Каз. ССР, 1971. 273 с.
2. Васильев Д. В. Административная аккультурация: опыт региональной политики Российской империи в Центральной Азии XVII—XIX вв. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2018. 139 с.
3. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М. : РОССПЭН, 2014. 471 с.
4. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : в 5 вып. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1889—1897. Вып. 3. 1891. xxiv, 369—616 с.; Вып. 4. 1895. xxii, 617—844 с.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 18.
6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
7. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1, вып. 1. Оренбург : Типо-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. 125 с.
8. Ерофеева И. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы : Санат, 1999. 336 с.
9. Избасарова Г. Б. Государственная деятельность А. И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 68—76.
10. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) : коллект. монография / науч. ред. проф. С. В. Любичанковский. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2019. 479 с.
11. Кадырбаев А. Ш. О присяге Абулхаира-хана Младшего жуза казахов «на верность России» в 1742 году // Восточный архив. 2016. № 1 (33). С. 5—16.
12. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках : сб. документов и материалов / Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1961. 743 с.
13. Любичанковский С. В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу [Электронный ресурс] // История : электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10, вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1>. DOI: 10.18254/S207987840006065-0.
14. Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). Т. 2, ч. 2 / отв. ред. М. П. Вяткин. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1948. 457 с.

15. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

Поступила в редакцию 29.11.2020

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djund@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8937-5690

UDC 94(47)“1748/50”:327.8

S. V. Dzhundzhuzov

Orenburg Governor I. I. Neplyuev and the Russian policy of pacifying the Kazakh nobility after the death of Khan Abulkhair (1748—1750)

The article examines the activities of the Orenburg governor I. I. Neplyuev to clarify the circumstances of the death of Abulkhair Khan of the Junior Zhuz, which happened in 1748 as a result of an unequal battle with the Sultan of the Middle Zhuz Barak, and the “policy of pacification” of his heir Nuraly Khan. The analysis of departmental and diplomatic documents shows that the subsequent death of Barak Sultan two years later was perceived by the Orenburg administration as an ordinary and expected incident. The legitimization of Khan’s power by the Russian monarch, even more than a treaty of citizenship, turned the heirs of Abulkhair into vassals of the Russian Empire. Thus, the events related to the change of power in the Junior Zhuz in the middle of the 18th century should be considered as an important indicator of the involvement of the Kazakh elite in the Russian political space. At the same time, the essence of the Central Asian policy of Russia, based on the “balance of power” of competing clan families and the pacification of their warlike aspirations, remained unchanged.

Key words: I. I. Neplyuev, Kazakh-Dzungar relations, Orenburg province, Russian Empire, Sultan Barak, Khan Abulkhair, Khan Nuraly.

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djund@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8937-5690

References

1. Basin V. Ya. *Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI—XVIII vv.* [Russia and the Kazakh khanates in the 16—18th centuries]. Alma-Ata, Nauka, Kaz. SSR Publ., 1971. 273 p. (In Russian)
2. Vasil’ev D. V. *Administrativnaya akkul’turatsiya: opyt regional’noi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral’noi Azii XVII—XIX vv.* [Administrative acculturation: the experience of the regional policy of the Russian Empire in Central Asia in the 17—19th centuries]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2018. 139 p. (In Russian)
3. Vasil’ev D. V. *Rossiya i Kazakhskaya step’: administrativnaya politika i status okrainy. XVIII — pervaya polovina XIX veka* [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII — first half of the XIX century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. 471 p. (In Russian)
4. Vitevskii V. N. I. I. *Neplyuev i Orenburgskii kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g.: v 5 vyp.* [I. I. Neplyuev and the Orenburg Territory in its former composition until 1758. In 5 issues]. Kazan, Tipo-lit. V. M. Klyuchnikova Publ., 1889—1897. Iss. 3. 1891. xxiv, 369—616 p.; Iss. 4. 1895. xxii, 617—844 p. (In Russian)
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 3. Op. 1. D. 18.
6. GAOO. F. 3. Op. 1. D. 19.

7. Dobromyslov A. I. *Turgaiskaya oblast'. Istoricheskii ocherk. T. 1, vyp. 1* [Turgai region. Historical essay. Vol. 1, is. 1]. Orenburg, Tipo-lit. F. B. Sachkova Publ., 1900. 125 p. (In Russian)
8. Erofeeva I. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik* [Khan Abulkhair: commander, ruler and politician]. Almaty, Sanat Publ., 1999. 336 p. (In Russian)
9. Izbasarova G. B. Gosudarstvennaya deyatel'nost' A. I. Tevkeleva po realizatsii yugo-vostochnoi politiki Rossiiskoi imperii v XVIII v. [A. I. Tevkelev's state activity on the implementation of the South-Eastern policy of the Russian Empire in the 18th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2018, no. 430, pp. 68—76. (In Russian)
10. Lyubichankovsky S. V. (sci. ed.) *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii): kollekt. monografiya* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (by the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire). Collective monograph]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2019. 479 p. (In Russian)
11. Kadyrbaev A. Sh. O prisvyage Abulkhaira-khana Mladshogo zhuza kazakhov “na vernost' Rossii” v 1742 godu [On swear allegiance to Russia by Kazakh Khan Abulkhair in 1742]. *Vostochnyi arkhiv — Oriental Archive*, 2016, no. 1 (33), pp. 5—16. (In Russian)
12. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI—XVIII vekakh: sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the XVII—XVIII centuries. A collection of documents and materials]. Alma-Ata, AN Kaz. SSR Publ., 1961. 743 p. (In Russian)
13. Lyubichankovskii S. V. Akkul'turatsionnaya model' ponimaniya imperii kak metodologicheskaya al'ternativa kolonial'nomu podkhodu [Acculturation model of an empire as a methodological alternative to the colonial approach]. *Istoriya, elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal — The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)*, 2019, vol. 10, is. 8 (82). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1>. DOI: 10.18254/S207987840006065-0. (In Russian)
14. *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1741—1751). T. 2, ch. 2* [Materials on the history of the Kazakh SSR (1741—1751). Vol. 2, part 2]. Alma-Ata, AN KazSSR Publ., 1948. 457 p. (In Russian)
15. Pochekaev R. Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII — nachalo XX v.* [Governors and Khans. The personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII — early XX centuries]. Moscow, Izdat. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2017. 384 p. (In Russian)